

Двухкомнатная квартира в хрущёвке, в которой теснился Слава со своей большой семьёй — двумя бабушками, младшим братом, отцом и матерью — была сжатой, как аккордеон в чехле. Две комнаты и кухня приплюснулись друг к другу и, когда отец курил на кухне, дым проникал сначала из кухни в одну комнату, а из неё в другую. Курил он часто и, бывало, не один, а с друзьями (или, как

он их называл, корешами) — поэтому в квартире воздух никогда не был прозрачен, а обои пожелтели.

Домой после прогулки вошёл Слава. В руке он держал стеклянную банку, в которой копошились черви.

На кухне за столом сидели отец с братом Славы и ели суп. Бабушка мыла посуду. Все молчали, только бежала вода и вымытые тарелки стучались в сушилке.

Мальчик торопливо поставил банку в угол у двери и скинул потрёпанные ботинки с глиняными блинами на подошвах; выглянул из прихожей, встретился взглядом с братом, нырнул обратно в полумрак у входной двери и застыл, напряжённо прислушиваясь к стуку ложек — никто не шёл. Тогда Слава осторожно вытащил из кармана брюк что-то металлическое и быстро сунул это в щель между стеной и доской с крючками, которые чудом выдерживали тяжесть зимних курток всех членов семьи.

— Иди есть, — услышался суровый глухой голос отца, — ты чего там, — тон голоса повысился, загрохотал отодвигающийся стул, — сигареты прячешь?

Через секунду напротив входной двери стоял отец и смотрел в глаза Славе.

— Успел? — злобно сказал отец.

Отец подошёл к нему вплотную, нагнулся и принялся.

— Ну, живи пока. — И отец вернулся на кухню.

Слава сначала было пошёл следом за отцом, но вовремя спохватился и при свете посмотрел на руки — они были грязные, запятнанные землёй. Он кинулся в ванную; после этого, уже успокоившись, вошёл в кухню и сел.

Его ждали щи. Слава аккуратно, боясь излишним стуком ложки снова привлечь внимание отца, стал есть.

— Я не могу больше. — Жалобно сказал вдруг брат, который сидел за столом напротив отца. — Я и так много съел.

— Доедай. — Процедил отец. Бабушка домывала посуду и вышла.

— Ну не могу я. — Захныкал брат. — Не лезет.

Отец, не глядя, нащупал сзади чугунную сковороду, которая стояла всегда без надобности и от этого буд-

то ещё больше окаменела и отяжелела. Скворода пролетела в сантиметре от головы мальчика и ударилась об стену, оставив после себя вмятину.

Слава ошарашено смотрел на брата — тот молча придвинул тарелку обратно к себе и бешено заработал ложкой, низко нагнув голову. Прибежала бабушка:

— Что такое? Что у вас тут грохочет?

— Всё нормально. — Ответил отец.

Бабушка постояла ещё немного в проёме двери, хмурия брови с недоверием, и молча ушла.

Слава тихо спросил:

— Мама на сутках сегодня?

Словно выстрел, раздался звонок в дверь.

— На сутках. — Буркнул отец и встал.

Когда он вышел, Слава приблизился к брату:

— Давай быстрее, это кореша! —

Слава взял тарелки и наспех поставил их в раковину.

Мальчики торопливо выбежали из кухни. В прихожей слышались бесстыдно громкие голоса друзей отца. Слава стоял за стенкой дальней комнаты и ждал.

Дверь на кухню громко треснула — закрылась. Голоса приглушились.

Слава проскользнул к выходу, вытащил спрятанный ножик из щели и вышел из квартиры, которую не запирали, потому что там всегда кто-то был.

Через оживлённое шоссе от их дома, на берегу озера был лодочный кооператив.

Слава прошёл мимо покосившейся будки охранника с деревянным шлагбаумом. Охранника в будке не было — он сидел на самодельной скамейке около будки в белой майке и чёрных форменных штанах, щёлкая семечки.

— Твой друг-то уже давно тут. — Негромко заметил охранник при виде Славы.

Мальчик поздоровался на ходу и свернул к нужной дорожке.

Перед распахнутыми дверьми гаража лежал перемёт¹. Миша, друг Славы, копался на полках в глубине деревянного, с облупленной зелёной краской, сарайчика, заглядывая в каждую баночку и ящик — он что-то искал.

Слава подошёл к порогу гаража:

— Что ищешь?

Миша вздрогнул:

— Ты чего пугаешь? Ключ ищу. Не помню, куда сунул.

Слава поставил банку с наживкой и облегчённо сел на нагретую полуденным солнцем землю с редкой травой. Ему было тут спокойно.

— Ты чего расселся? — крикнул Миша из гаража. — Удочки принеси, вёсла, кошку², почему я вечно всё делаю? — Миша раздражался, потому что не мог найти ключ.

¹Перемёт — леска с привязанными к ней крючками, как правило — тремя или четырьмя; на каждый конец лески привязывался груз, которым обычно служили кирпичи или камни.

²«Кошка» — палка с тремя крючками на конце. «Кошкой» достают со дна перемёт.

Слава принёс из угла гаража удочку с кошкой, потом перенёс вёсла и снова сел. Что-то хотелось додумать.

— Нашёл! — Радостно крикнул Миша.

Дело шло к вечеру. Дневное солнце смягчилось и больше не пекло, духота рассеялась и оставила после себя тихий, притаившийся воздух. Озеро было гладкое, словно пол, на котором неподвижно стояли лодки.

Миша и Слава разложили на берегу рыболовные снасти, разделись до плавков и зашли в воду. Там, среди других лодок, которые были привязаны, словно собаки, их ждало хоть и старенькое, но верное корыто.

Лодка была привязана к двум кольям по разные стороны: Слава отвязал её у одного кола, а Миша открыл замок у другого.

Загрузились и погребли.

Озеро было камышовое — маленькие островки зарослей были раскиданы по всей его глади и для рыболовов имели самые полезные свойства — там скрывались окунь и лещ. К одному из таких островков и направили свою лодку мальчишки. Когда до зарослей оставалось несколько гребков, Миша остановился: здесь нужно было закинуть перемёт.

— Давай своих червей.

Слава принялся открывать банку и поставил её на дно лодки.

— Давай сначала его распрavimo... — и он указал на лежащий в носгах перемёт.

Миша кивнул, и мальчишки взялись

за разные концы лески, аккуратно оттягивая их в стороны.

— Слушай, а у тебя есть в гараже стамеска?

— Есть. А зачем тебе?

Леска была готова. Миша потянул-ся за червём.

— Я сегодня на берегу нашёл секат, пока копал... — Слава ждал этого момента. Он достал из кармана ножик с широким остриём и деревянной, почерневшей от времени, ручкой.

У Миши заблестели глаза.

— А там ещё такие были? Не видел?

— Не видел, но посмотреть можно.

Миша поджал губы и старательно стал насаживать червя на крючок.

— А стамеска-то зачем? — не унимался он.

Слава сунул нож снова в карман и взял червяка.

— Хочу сделать томагавк, как у индейцев — приделаю к основной ручке палку в отверстие.

— И что ты с ним делать будешь?

— Поеду с ним в Америку, индейцев защищать.

Миша усмехнулся.

— Индейцев защищать? Да там защищать-то и некого. Они ж вымерли почти.

Слава посмотрел на извивающегося червя.

— А кому тогда, по-твоему, помощь нужна?

Миша насаживал червя на последний крючок.

— Тому, от кого польза будет. А от них какая польза? Они же дикари.

На всех четырёх крючках было по червяку. Переём был готов. Слава и Миша, не сговариваясь, взяли его за концы, придерживая груз.

Лодка опасно накренилась. Слава отставил ногу, чтобы установить равновесие.

— А людей тебе не жалко?

— Индейцы уже не нужны. Они в прошлом веке застряли!

Кирпич, один за другим, бухнулись в воду, переём пошёл ко дну. В лодке замолчали — мальчишки смотрели ему вслед, как будто вместе с наживкой и кирпичами на дно устремился предмет их разговора.

Слава осторожно сел в лодке и продолжил вглядываться в озеро.

Миша увидел, что обидел друга, но отказываться от своих слов он не стал просто потому, что не хотел уступить и показаться дураком без мнения. Однако, продолжать разговор ему не хотелось, так как индейцы и их проблемы не особо его интересовали. Мальчик решил отступить:

— Поплыли, а то туман ещё ляжет...

Миша взял вёсла, а Слава не торопился. Он тоскливо смотрел на равнодушное озеро и чувствовал обиду на себя и на Мишу — на себя за то, что не смог доказать свою правду, а на Мишу — за его нежелание понять. Но больше Слава злился всё-таки на себя.

Дверь в квартиру была по-прежнему не заперта. Мальчик тихо проник в коридор.

Слышался приглушённый кухон-

ной дверью недобрый смех и гул разговора. Посиделки отца были в самом разгаре. Низкие голоса звучали так, как будто кто-то хаотично грубо тыкал по клавишам пианино — резко и неприятно.

Слава спрятал томагавк в укрытие за доской с вешалками, скинул ботинки и пробежал в дальнюю комнату.

Брат сидел у окна, подпирая подбородок руками, сложенными на подоконнике. На кровати сидела бабушка в очках без одной дужки и, слегка отставив руку с книгой «Последний из Могикиан», читала внуку вслух.

— «...Ункас шёл впереди, дойдя до центра равнины, он испустил крик, на который сбежались все его товарищи» — Брови бабушки ползли вверх, тон голоса показывал, что её несколько удивляет и поражает написанное — будто под обложкой книги неожиданно оказались пошлые анекдоты. — «Молодой индеец остановился у группы мёртвых женских тел, лежавших беспорядочной грудой...» — бабушка подняла глаза от книги на Славу. — Ужас какой! Кошмар. Кто вас научил это читать?

Слава расстроился непониманию ещё и бабушки, но вступать с ней в спор не решился. Он молчал и пытался собрать в голове правильный ответ, но брат его избавил от этого:

— Бабушка, ну что там дальше? Читай, пожалуйста...

Бабушка снова вгляделась в книгу. Слава сел на стул в углу комнаты и решил тоже немного послушать.

Раздался удар двери и гул вылился наружу, заполнил все комнаты, как дым.

— Слава-а! — захохотал отец. — Иди сюда!

Слава молча встал и послушно пошёл к отцу.

Отец заполнил собой весь проём кухонной двери:

— Сходи к бабе Вале, возьми у неё спирта... — его глаза были широко открыты и не моргали, словно стеклянные глаза игрушки. Он смотрел сквозь Славу и говорил отрывисто, злобно, пытаясь поймать и удержать нужную мысль среди других, которые прыгали у него в голове: чефир завёл их, как двигатели. — Литра два. — Отец сильно сжимал косяк двери обеими руками. Казалось, что узость проёма раздражала его. — Деньги завтра отдам.

— Хорошо. — Сказал сын.

Отец резко, как зверь, повернулся к гостям и вошёл обратно в кухню.

Слава взялся за ручку входной двери и замер, размышляя. Шагнув назад, он старался меньше шевелиться и, не поворачиваясь, вытянул руку к доске. Осторожно присев на корточки, Слава нащупал томагавк и потянул его к себе.

Резкая боль в руке парализовала мальчика — он хотел закричать от боли, но смог только открыть рот и зажмурить глаза.

— Убить отца решил? — прозвучал за спиной дребезжащий голос отца. Он крепко сжал запястье сына и на его трясущемся кулаке выступили

вены. Одна его рука высвободила секат из ладони Славы, другая одним движением подняла мальчика за грудки и прижала к стене.

— Нет, папа, ты что... — сказал Слава тихим, обессиленным голосом, вторую часть фразы произнеся одними губами. Он поднял глаза.

Сморщенное от гнева лицо нависло над мальчиком и было будто отдельно от тела, как маска. Слабый свет лампочки, висевшей прямо над головой отца, падал на рот, который кривился и ёрзал по лицу, неестественно изгибаясь. Глаза были в тени и блестели неживым стеклянным блеском.

— Откуда? — отец говорил невнятно, будто слова, оттого, что перемешались со злостью, потеряли свою отточенность: он издавал горловые страшные звуки, похожие на рычание.

Слава опустил голову. В руке отца был секат.

— Нашёл... Я хотел сделать томагавк...

— Прятал зачем, гадёныш? — отец подчёркивал каждую согласную букву, будто вот-вот сорвётся на рычание.

Отец приподнял секатом лицо мальчика.

— Не знаю. — Слава всхлипнул.

— Эй, Сёмыч! — вдруг позвали отца из кухни. — Ты чего там пропал?

В коридоре возникла тёмная фигура. — Ты что делаешь?

Отец не убрал секат от горла сына.

— Убить меня хотел. Я за такое наказываю.

— Давай он сначала к Вале ходит, потом решим, что делать.

Отцу показался этот довод убедительным. Он отпустил сына:

— Живи пока. — И, резко повернувшись к двери, запустил нож, который глубоко вонзился в дерево.

Мальчик продолжал стоять: он боялся пошевелиться и напомнить тем самым о себе отцу ещё раз. Когда тот ушёл, Слава подошёл к ножу, вытащил его из двери и вышел из квартиры.

Облака к вечеру соткались в одну белую материю. Свет приглушился, словно кто-то накинул на солнце ткань, как на торшер.

Слава шёл по берегу, крепко держа в руке секат. Иногда мальчик приостанавливался, тыкал носом ботинка песок и оценивал место, чтобы зарыть томагавк, но что-то не нравилось ему, и он двигался дальше.

Вдруг он замер и стал прислушиваться, прищурив глаза. Откуда-то доносился слабый писк. Слава огляделся — на берегу никого не было. Он посмотрел на прибрежные заросли камышей и решил осторожно приблизиться к ним.

Писк усилился — несомненно, его источник находился в камышах.

Слава скинул ботинки, закатал штаны и двумя руками развёл заросли, но никого не увидел. Тогда мальчик вошёл в камыши, присел на корточки и стал раздвигать камыши, как плотные занавески.

В старой скомканной рыболовной сетке была чайка. Она беспомощно

билась и запутывалась всё больше, крылья уже не могли раскрываться и только подрагивали, как у умирающей бабочки.

Слава осторожно взял чайку. Её клюв был свободен и немедленно принялся клевать мальчика в ребро ладони. Слава пытался ослабить путы, но те успели слишком плотно обвиться вокруг бедной чайки.

Мальчик аккуратно положил чайку и достал секат.

Слава любил отца. Он никогда никому не рассказывал, что происходит у него дома, потому что ему не хотелось, чтобы кто-то посчитал, что его отец — зверь без души. Он знал, что она у него есть, но не мог объяснить и доказать это, поэтому предпочитал молчать. В школе все знали, что его отец сидел в тюрьме, но никто никогда не говорил об этом — ребята любили Славу. Как-то раз, когда учительница задала сочинение «С кем бы вы хотели дружить», весь класс написал, что со Славой. Может, и не весь конечно, но учительница сказала именно так.

Слава краснел от напряжения, на лице его проступили капли пота. Он резался об острые края сетки и не останавливался.

Сеть была почти разрезана. Слава не знал, как лучше взять птицу, которая отчаянно клевалась, и он одной рукой слегка прижал её у головы, чтобы та не двигалась.

Дрожащей рукой мальчик просунул нож между чайкой и сеткой и начал разрезать оковы.

Слава сжимал губы, и глаза его почти плакали, он боялся сделать неловкое движение.

Как-то раз они с братом вышли вечером к озеру и стали лазать по заброшенным лодкам в поисках чего-нибудь интересного. В одной из них Слава нашёл огромный нож с костяной ручкой, похожий на кинжал. Их радости с братом не было предела — нож был принесён домой и по привычке запрятан. В тот раз местом послужила выемка под ванной. Отец, конечно, нашёл кинжал, но строго сказал сыновьям, что находку он изымает — слишком малы они для неё. А потом отец пропал на пять лет — сел. После драки в одном злачном месте города у него случайно нашли в кармане нож с костяной ручкой.

Отец вернулся с покалеченной душой. Что-то постоянно будто болело у него, он всегда был в напряжении, всегда злился. Он принял на себя роль «плохого», впустил в свою жизнь корешей, чтобы стать частью выбранного мира, который он считал единственно возможным для себя. Но

в этом мире, где пьют чефир и живут кореша, были «не здешние» — его дети. Они были болезненным напояминанием о любви, которую запретил себе отец Славы и от которой он пытался отгородиться.

Слава всегда прощал отца.

Сетка разрезалась. Мальчик отложил секат и снова попробовал освободить чайку руками.

Птица клевалась. Руки Славы были все исцарапаны и измазаны кровью.

Как только сетка полностью отделилась от намучившейся птицы, её крылья заработали, словно смазанный мотор, и она, покрикивая, взмыла в небо.

Слава обессиленно продолжил сидеть в зарослях и собирался с мыслями. Он посмотрел на свои руки, взял остатки сетки, вышел из камышей и начал копать яму в песке. Когда образовалась выемка в пол-локтя, мальчик уложил туда сначала остатки сетки, а затем — секат, забросал землёй, встал и подошёл к озеру. Оно уже не казалось ему таким равнодушным...